

Цзи Юньсинь представляла множество возможных причин, по которым Цзянь Янь вдруг решила развестись. Разумеется, у этого был повод: будь то разочарование в ней или затаенная обида, какая-то причина определенно существовала. Однако она никак не ожидала, что дело окажется в интимной близости. Это казалось... несколько унижительным.

В ту ночь обеим было не слишком комфортно. В конце концов, они действовали наобум, впервые в жизни, и у нее не было даже предварительного опыта. Она просто вошла вот так, открыто и прямо, а Цзянь Янь продолжала жаловаться на боль. Боясь причинить ей вред, она сдерживалась. И хотя во второй половине ночи они вошли во вкус и в голосах Цзянь Янь прозвучало наслаждение, в целом их первый раз нельзя было назвать прекрасным. Если бы они развелись по такой причине, это еще можно было бы понять, но Цзянь Янь с самого начала производила впечатление мягкой и покладистой женщины, совсем не похожей на ту, что способна расторгнуть брак из-за постельных дел.

Это заставило Цзи Юньсинь задать вопрос на автопилоте.

Цзянь Янь наклонилась, чтобы поднять с пола телефон. Она была высокой, и когда она согнулась, подол платья слегка задрался, обнажив пару красивых, прямых и длинных ног. Ноги были плотно сдвинуты, кожа — безупречно белой. Бросив взгляд в сторону, Цзи Юньсинь невольно заметила эту позу. Руки она заложила за спину и крепко сжала пальцы — казалось, на кончиках сохранилась память о той ночи, заставляя вспомнить кожу Цзянь Янь: гладкую, как шелк, и настолько нежную, что от одних воспоминаний начинало щемить в груди. Цзи Юньсинь тихо кашлянула и отвела взгляд.

Шумная мелодия звонка смолкла.

Цзянь Янь подняла телефон и приоткрыла губы:

— Раз генеральный директор Цзи считает так, пусть будет по-своему.

Она вытерла экран телефона. Цзи Юньсинь наверняка не расслышала начало фразы и сделала собственные выводы, а может, и вовсе не уловила слова целиком. Подумав об этом, Цзянь Янь повернула голову:

— Во всяком случае, я говорю правду.

Правду.

Это слово ударило Цзи Юньсинь прямо в сердце, ее лицо помрачнело. Телефон снова резко зазвонил, она искоса взглянула на Цзянь Янь и ответила на вызов:

— Алло, дедушка.

Стоя к ней спиной, Цзянь Янь поджала губы и зашагала прочь на высоких каблуках.

— Только что столкнулся с Сяо Хань.

— Мне плевать, с кем ты столкнулся, немедленно возвращайся! — тон Цзи Сунлиня был резким, по голосу чувствовалось, как сильно он разъярен.

Повесив трубку, Цзи Юньсинь вернулась в отдельную кабинку. Остальные все еще молча ели, и она бросила Цзи Хань:

— Я возвращаюсь первой.

Ли Вэйцин поднялась на ноги:

— Поехали вместе, я тоже наелась.

Цзи Юньсинь бросила взгляд в сторону Цзянь Янь и встретила с ней глазами. Взгляд был чистым и слегка прохладным — совсем не похожим на прежний, полный нежности. В этих глазах не осталось ни капли чувств, они смотрели холодно и отрешенно, словно на совершенно незнакомого человека. Это был именно тот взгляд, которого Цзи Юньсинь всегда добивалась от нее, но в сочетании с их недавним разговором он почему-то вызывал у нее неприятное чувство.

Словно она была ни на что не способна, совершенно ни на что, и даже родинка в уголке глаза Цзянь Янь, казалось, насмеялась над ней. На сердце у нее стало тяжело.

— Юньсинь? — Ли Вэйцин сумочку в руке, тихо окликнула ее: — Нам пора.

С мрачным выражением лица Цзи Юньсинь глухо ответила:

— Угу.

Она повернулась и вышла из кабинки. Стоило им оказаться снаружи, как Цзи Хань закатила глаза:

— Призраки преследуют по пятам!

Такое поведение разбудило любопытство Линь Му. Когда дверь кабинки закрылась, он спросил:

— Босс, Ли Вэйцин действительно девушка генерального директора Цзи? Я слышал, она часто приходит в компанию искать ее.

— Какая еще девушка черт побери! — взвизгла Цзи Хань. — Скажешь еще хоть слово — пасть порву!

Линь Му прикрыл рот рукой:

— Не я же это выдумал. В компании все так говорят.

Услышав их разговор, Цзянь Янь опустила голову и принялась резать стейк. Выражение ее лица оставалось бесстрастным, только пальцы, сжимавшие рукоять ножа, побелели от напряжения.

Обед выдался не из приятных. Цзи Юньсинь прибыла в дом семьи Цзи ровно в час дня. Цзи Сунлинь мерил шагами гостиную; услышав шум в прихожей, он сразу же поднял голову и увидел вошедшую Цзи Юньсинь. На ней был ладный бежевый костюм-тройка, подчеркивающий ее подтянутую фигуру, а светло-голубые туфли на каблуках делали ее еще выше. Осколки солнечного света падали на ее лицо, делая черты еще более объемными, а скульптурный костяк лица — отчетливым. Белоснежный лоб скрывался под челкой, а взгляд был острым и пронзительным. В другое время Цзи Сунлинь радовался бы такому ее виду до глубины души, но сейчас каждое мгновение только распаляло его гнев!

— Поумнела, да? — гневно бросил Цзи Сунлинь. — Теперь ты у нас большая шишка! Что ни сделай — мнения семьи спрашивать больше не нужно, что хочешь, то и воротишь, да?

Цзи Юньсинь поставила портфель и вытянулась по струнке у дивана, доложив почтительным тоном:

— Дедушка, я не понимаю, о чем вы.

— Не понимаешь? — Цзи Сунлинь со злостью усмехнулся. — Кого ты пытаешься провести? Или возомнила себя всемогущей, способной закрыть небо одной ладонью? Развелась — и даже словом нам не обмолвилась! Как тебе такое: может, в следующий раз ты нас вообще из дома выгонишь и тоже забудешь предупредить?

По дороге сюда Цзи Юньсинь уже догадывалась обо всем, но поскольку Цзи Сунлинь недавно перенес операцию, она не решалась заговорить об этом, пока не убедилась в точности слухов. Теперь же, когда ее отчитывали прямо в лицо, Цзи Юньсинь оставалось лишь произнести:

— Вы уже всё знаете.

— А как мне не знать? — Цзи Сунлинь так разозлился, что принялся колотить себя в грудь. — Я уже позвонил твоим родителям! Сейчас же марш в родовой зал, вставай на колени!

Тон не терпел возражений. Цзи Сунлинь был уже в преклонном возрасте, и обычно никто не смел выводить его из себя — все боялись, что от сильного гнева с ним случится приступ, поэтому во всем ему потакали. Именно по этой причине Цзи Юньсинь не осмеливалась ему рассказать, но она никак не ожидала, что он узнает от других.

Наверное, это была Цзянь Янь.

Цзи Юньсинь вздохнула.

Услышав этот вздох, Цзи Сунлинь рассвирепел еще сильнее. Он схватил трость и замахнулся на внучку, но, к счастью, подоспевший дворецкий вовремя удержал его, избавив Цзи Юньсинь от физической расправы.

— И ты еще вздыхаешь?! — разъяренно выпалил Цзи Сунлинь. — У тебя еще хватает наглости вздыхать! Что ты мне обещала, когда вы женились? Клялась, что не будешь обижать ее, не позволишь ей терпеть несправедливость и не станешь чудить на стороне, ты...

— Это вы заставили меня пообещать, — опустил голову, произнесла Цзи Юньсинь. — Разве не вы вынудили меня дать это обещание?

Цзи Сунлинь остолбенел. Слова застряли у него в горле. Выждав пару секунд, он взревел:

— Разве я делал это не для твоего же блага! Ты сейчас на меня жалуешься? Цзи Юньсинь, живо в родовой зал на колени! Будешь стоять на коленях, пока не поймешь, в чем была неправда!

Лицо Цзи Юньсинь окаменело, руки были заложены за спину. Даже когда ее отчитывали последними словами, она сохраняла абсолютное спокойствие. Заметив, что старик снова начинает задыхаться, дворецкий поспешил его успокоить:

— Ладно-ладно, Юньсинь, иди пока, я присмотрю за дедушкой.

Родовой зал находился прямо за старой усадьбой, в пяти минутах ходьбы. Цзи Юньсинь на своих каблуках шла по каменной дорожке и вскоре оказалась у входа. Не колеблясь, она вошла внутрь, зажгла благовония и опустилась на колени. Солнечный свет падал косо из-за ее спины, делая ее прямую спину еще более отчетливой.

Вернувшись домой, Цзи Хань увидела фигуру Цзи Юньсинь, стоявшую на коленях в родовом зале. В два счета подбегла к ней и закричала:

— Сестра, почему ты здесь на коленях?! Вставай же!

Цзи Юньсинь простояла на коленях уже два часа, но ее осанка не дрогнула. Она холодно бросила:

— Не поддерживай меня. Иди в дом.

Ее голос звучал под стать погоде на улице — прохладно и остро, словно шипы.

Цзи Хань топнула ногой:

— Это наверняка дедушка! Я пойду к нему!

Цзи Сунлинь, чье дыхание после лекарства наконец пришло в норму, услышал яростный стук в дверь.

— Войдите, — бросил он.

Цзи Хань распахнула дверь и заискивающе протянула:

— Дедушка.

Цзи Сунлинь фыркнул:

— Если пришла заступаться за свою сестру — проваливай.

— Вовсе нет, — Цзи Хань поставила пиалу с куриным супом. — Дядя Лю сказал, что вы снова рассердились. Выпейте немного супа, успокойтесь.

Глядя на нее, Цзи Сунлинь невольно вспомнил о старшей внучке и с головной болью произнес:

— Была бы твоя сестра хоть наполовину такой же разумной, как ты, какое было бы счастье.

Цзи Хань неловко улыбнулась:

— Если бы сестра была такой же, как я, в компании некому было бы рулить делами.

Услышав это, суровое лицо Цзи Сунлиня немного смягчилось. За те несколько лет, что Цзи Юньсинь работала в компании, та развивалась стремительными темпами, реализовав несколько крупных зарубежных проектов с блестящими результатами. И дело было не только в загранице — даже на внутреннем рынке они прочно удерживали лидирующие позиции. Заметив, что его гнев утих, Цзи Хань поспешила добавить:

— Дедушка, тут уж у каждого свое призвание, у всех есть сильные и слабые стороны. Сильная сторона сестры — это работа. А в сердечных делах она тугодум, вы же сами знаете, зачем ее наказывать? Если она сляжет, разве компании не придется тяжело?

Хотя она сама злилась на Цзи Юньсинь за то, что та не разбирается в людях, приближает Ли Вэйцин и игнорирует невестку, в конце концов, это была ее сестра. Вид стоящей на коленях Цзи Юньсинь разрывал ей сердце, так что волей-неволей пришлось заступиться.

Услышав утешения внучки, Цзи Сунлинь кивнул:

— Да я не наказываю ее, я хочу, чтобы она хорошенько всё обдумала!

— Да-да-да, — Цзи Хань обвила руку дедушки. — Но нельзя же заставлять ее думать именно в таком положении! Она и так на работе устает, а тут еще столько времени на коленях стоять. Вам ее совсем не жалко?

Цзи Сунлинь открыл рот. Разве мог он не жалеть ее? По сравнению с Цзи Хань, Цзи Юньсинь он воспитывал с младых ногтей лично: как управлять компанией, как вести дела, как

держаться в обществе — передал практически без утайки, от и до. Наверное, слишком высоки были ожидания, поэтому и разочарование оказалось столь глубоким.

Цзи Хань прикусила губу:

— Ладно-ладно, дедушка, смени гнев на милость. К тому же, раз уж сестра так безнадежна в чувствах, разве у нас нет на это глаз? Поможем ей, и всё тут.

Слова внучки заставили Цзи Сунлиня поколебаться. Он махнул рукой:

— Ступай, подними ее.

— Дедушка, лучше ты сам пойдё. Если её буду поднимать я, она точно не встанет.

Цзи Сунлинь кивнул:

— Помози мне подняться.

Старик и девушка медленно направились к родовому залу. Издалека они увидели распахнутые настежь двери и одинокую фигуру на коленях: спина прямая, длинные волосы собраны на затылке без единой выбившейся пряди, а деловой костюм сидит безупречно и строго.

Цзи Сунлинь остановился у входа. Цзи Хань слегка подтолкнула его, сладко улыбнулась и беззвучно одними губами произнесла:

— Идите.

Опираясь на трость, Цзи Сунлинь вошел в родовой зал. Остановившись рядом с Цзи Юньсинь с мрачным выражением лица, он бросил низким голосом:

— Поняла свою ошибку?

Цзи Юньсинь спокойно смотрела вперед, её голос звучал холодно и чисто:

— Я не виновата.

Цзи Сунлинь поднял трость, вены на тыльной стороне его кисти вздулись. Рука дрожала, но в конце концов он лишь тяжело опустил трость на пол и гневно выпалил:

— Ты всё ещё не признаешь вину?!

Цзи Юньсинь слегка откинула голову назад и посмотрела на дедушку с прежним выражением лица:

— Я не права, так в чем же мне раскаиваться?

Заметив, что оба снова готовы сорваться на крик, Цзи Хань немедленно присела на корточки:

— Сестра, просто склони голову, признай вину.

Цзи Юньсинь ожесточилась:

— Хватит. Я не виновата. Даже если вы заставите меня простоять на коленях всю жизнь, я все равно буду права.

— Ты! — у Цзи Сунлиня перехватило дыхание, глаза яростно сверкнули. — И ты еще говоришь, что не виновата! Ты развелась с Янь-янь, еще пожалеешь об этом!

Цзи Юньсинь медленно поднялась на ноги. От долгого стояния на коленях ее ноги онемели, стоять было трудно, и Цзи Хань тут же бросилась ей на помощь. Встретившись с дедушкой взглядом на одном уровне, Цзи Юньсинь отчетливо увидела бушующее в его глазах пламя гнева.

— Дедушка, — произнесла она, — причина, по которой вы так злитесь... неужели и впрямь потому, что я пожалею?

Лицо Цзи Сунлиня побагровело от ярости, из каждого его слова буквально сыпались искры:

— А как же иначе!

— Иначе... — холодно произнесла Цзи Юньсинь. — Разве дело не в вашем собственном сожалении?

— Цзи Юньсинь!

Трость взметнулась вверх, но так и не опустилась. Цзи Сунлинь отступил на шаг назад и схватился за грудь: его лицо, только что багровое, вмиг побелело. Сердце Цзи Хань пропустило удар, и она в ужасе закричала:

— Дедушка!

<http://bllate.org/book/25513/3043422>